

УДК 81'1

ББК 81.001.4

Б 38

Беданоква З.К.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Адыгейского государственного университета, e-mail: bedan23@mail.ru

Беданоква С.К.

Кандидат филологических наук, профессор кафедры французской филологии Адыгейского государственного университета, e-mail: bedan23@mail.ru

Эвокативность: о термине, понятии и принципе дополнительности *(Рецензирована)*

Аннотация:

Проводится методологический анализ категории эвокативности. Рассматриваются терминологические и концептуальные вопросы изучения этого чрезвычайно сложного семиотического механизма языка путем выявления корреляции между категориями, входящими в категориальное и функционально-семиотическое *поле эвокативности*. Подчеркивается актуальность исследования эвокативности как креативной семиотической деятельности в воздействующем дискурсе, раскрывается методологический и эвристический потенциал категории эвокативного речемыследелительного акта. Эвокативность представляется как свойство и функция знака особой формы порождать сложный, полифоничный план содержания. Эвокативный механизм используется в целях креативной речезыковой деятельности и воздействия на реципиента, реализуя, прежде всего, поэтическую и коннотивную функции языка.

Ключевые слова:

Принцип дополнительности, категориальное и функционально-семиотическое *поле эвокативности*, эвокативный речевой акт.

Bedanokova Z.K.

Candidate of Philology, Associate Professor of Russian Language Department, the Adyghe State University, e-mail: bedan23@mail.ru

Bedanokova S.K.

Candidate of Philology, Professor of the French Philology Department, the Adyghe State University, e-mail: bedan23@mail.ru

Evocativity: about the term, concept and the principle of complementarity

Abstract:

The methodological analysis of category of evocativity is carried out. The paper deals with the terminological and conceptual questions of studying this extremely composite semiotic mechanism of language by detection of correlation between the categories entering the categorial and functional semiotic field of evocativity. The authors emphasize relevance of a research of evocativity as creative semiotic activity in the influencing discourse and disclose the methodological and heuristic potential of the category of evocative speech-thinking act. The evocativity is represented as property and function of a sign of a special

form to generate the complicated, polyphonical plan of contents. The evocative mechanism is used for creative speech-language activity and for impact on the recipient, implementing, first of all, poetic and connotative functions of language.

Keywords:

Principle of complementarity, categorial and functional semiotic field of evocativity, evocative speech act.

Одно из достоинств термина – его однозначность. Моносемия и четкая дефиниция составляют смысл существования терминологии. Однако с развитием науки проблема полисемии терминов становится все актуальнее. Это объясняется внешними (экзогенными) и внутренними (эндогенными) причинами. К формальным факторам можно отнести динамику языка науки: как любой языковой код, терминология не может разрастаться бесконечно, а, следовательно, есть необходимость использовать слова обыденного языка или уже существующие «научные слова», вкладывая в них иное, актуальное для нового употребления содержание (субъективный фактор). Внутренней (онтологической) причиной становится междисциплинарность и дополнительность современной науки, научного исследования, когда один феномен можно рассматривать в разных его проявлениях, как это отметил Н. Бор, сформулировав свой знаменитый «принцип дополнительности». В.Г. Гак пишет: «Язык представляет собой чрезвычайно «асимметричное» явление, ввиду асимметрии одно и то же языковое явление может получить несколько разных теоретических толкований, число которых, однако, всякий раз ограничивается природой данного конкретного объекта» [1: 22].

Термин *эвокативность* периодически возникает в философских, логических и лингвистических контекстах, и его употребление связано с достаточно разными денотативными сферами, тем не менее, имеющими между собой определенную концептуальную связь. Выявив «прототип» этой категории, мы получим инвариант, «твердое ядро» концепта, ко-

торое поможет сформулировать причины его когнитивной вариативности.

Начнем с термина. Латинское *evoco* (*ē-voco, āvī, ātum, āre*) имеет ряд значений: «1) звать, вызывать, приглашать (*aliquem foras; ad colloquium; aliquos ad pugnam; e convivio*); 2) призывать (*aliquem ad honorem; magistratūs ad se*); 3) вызывать, возбуждать (*risum, lacrimas sudorem vomitiones iram alicujus*); 4) доводить (*aliquem ad saevitiam; vitis evocata ad fructūs*); 5) извлекать, вытягивать (*sucum quasi per siphonem; aliquem e tenebris in lucem*); 6) вызывать, заклинать (*aliquem ab infēris; proāvos sepulchris*) e. **deos**, — **склонять на свою сторону богов** осаждаемого (неприятельского) города; б) вызывать добровольцев, вербовать, приглашать, привлекать (**oppidanos ad bellum**) *aliquem spe praedae e.* — завербовать кого-л. перспективами (военной) добычи» [2: 293]. Исходная многозначность заимствованного слова явилась причиной дублирования терминов «эвокация» и «эвокативность» в различных концептуальных употреблениях.

В логике иногда говорится об «эвокативной функции языка», под которой понимается функция воздействия на адресата (приказ и т.п.), со ссылкой на К. Бюллера [3; 4]. По мнению А.А. Ивина, различают информативное, экспрессивное и *эвокативное* употребление языка: «В случае первого – формулировка истинных или ложных суждений; при втором – выражение состояний сознания говорящего; при третьем – для *оказания влияния на слушателя*» [3: 12] (выделено нами. – З.Б.). И далее: «Основная функция команды, являющейся характерным образцом *эвокативного* употребления языка, — вызвать определенное действие слушающе-

го, но команда представляет также сведения о предписываемой деятельности и выражает желание или волю говорящего, чтобы деятельность была выполнена» [4: 378-379] (выделено нами – З.Б.).

На самом деле языковая функция воздействия имеет много наименований: *регулятивная* (Н.Б. Мечковская и др.), *волевая* (А.А. Сусов и др.), *коннотативная* (Р. Якобсон), *апеллятивная* (К. Бюлер) и др. Обратившись к «Теории языка» К. Бюлера, читаем: «Функция человеческого языка тройственна: изъявление, побуждение и репрезентация. Сегодня я предпочитаю термины: *экспрессия*, *апелляция* и *репрезентация*, – поскольку термин «экспрессия» в кругу теоретиков приобретает все более точное значение и поскольку латинское слово *appellare* ‘обращаться’ (англ. *appeal* ‘обращаться’, нем. что-то вроде *ansprechen* ‘обращаться к кому-л.’) точнее соответствует второму понятию...» [5: 34].

Естественно, что, говоря о функциях языка, ставить знак абсолютного равенства между терминами «воздействующий» («апеллятивный» по К. Бюлеру) и «эвокативный» нельзя. Хотя, как будет показано ниже, в эвокативности, несомненно, заложено воздействие на адресата (реципиента). Именно в этом понимании употребляет термин «*эвокативный компонент*» Н.Ф. Алефиренко, подчеркивая опосредованный, косвенный характер воздействия языковых форм, побуждающих реципиента к действию (призыв, лозунг, девиз) [6]. Здесь проявляется связь между эвокативностью и коннотацией. Эти категории косвенно связаны как раз посредством эвокативного воздействия (т.е. воздействия через форму слова). Коннотация как дополнительный оттенок значения, как дополнительная эмоционально-аксиологическая окраска языковой формы воздействует на получателя, вызывая (*эвоцируя*) пейоративные или мелиоративные смыслы в интерпретации этой формы. Можно сказать, что в случае эвокативной знаковой формы

функция воздействия (*коннотативная* – по Р. Якобсону, не путать с «коннотацией») осуществляется посредством коннотативности формы (добавленного значения), а извлечение (*эвокация*) этого коннотативного значения и играет решающую роль в введении интегрального смысла лексемы.

Следует уточнить, что многие обсуждаемые здесь концепции, так или иначе связанные с рассматриваемым феноменом эвокативности, на наш взгляд, соотносятся между собой по принципу дополнительности, о чем уже было сказано, и будет говориться в дальнейшем изложении. Поэтому одна из задач нашего исследования – не столкнуть их друг с другом, а выявить корреляции между категориями, входящими в категориальное и функционально-семиотическое *поле эвокативности*.

Термин «эвокативная функция» в значении «воздействующая» (особым образом) мы находим в классификации функций языка Зеллига Харриса, который тематизирует этим термином не воздействие адресанта на адресата посредством сообщения (ср. приказ, прескриптивная функция), и подчеркивает воздействие самого сообщения на эмоции человека (ср. выше трактовку Н.Ф. Алефиренко). Вот как выглядит классификация функций языка по Харрису: «1. дескриптивная, или информативная, 2. контрольная (или организационная), 3. эмоциональная, с разновидностями:

- экспрессивная,
- *эвокативная* (связанная с воображением),
- раппортная (социальная)» (Цит. по [7]; выделено нами – З.Б.).

Мы видим, что функция «эвокации» вторична по отношению к репрезентативной, или «дисигнативной» функции языка, т.е. функции референтной связи означающего и означаемого, и напрямую не связана с ней (ср. ниже). Харрис включает её в эмоциональную функцию, связанную с воображением, с экспрессией и социальной значимостью.

Действительно, язык способен «вызывать в воображении» – это обусловлено его семиотической природой, позволяющей создавать «возможные миры» в параллельной реальности художественного вымысла. В таком значении термин «эвокативность» встречается в лингвистической и лингвофилософской терминологии (см., напр., [8; 9] и нек. др.

Свою определенную нишу термины «эвокативность», «эвоцировать», «эвокация» занимают в феноменологической герменевтике и постмодернистском дискурсе.

В феноменологии эвокативность связывается с феноменологической версией «лингвистического поворота» в философии. Язык в феноменологии становится не столько объектом методологической проблемы дескрипции «феноменологических феноменов» (как в аналитической философии), сколько превращается в «литературно-эстетическую проблему их эвокации» [9: 10]. Здесь под эвокацией понимается поэтическая функция языка, т.е. способность языка трансформировать рефлексивно отражаемую действительность в образы, порождаемые языком, и закрепляющие их в когнитивном пространстве мысли. И.Н. Инишев пишет о феноменологизации поэзии, когда феноменологическая герменевтика, подобно поэзии, использует «эвокативную силу» языка, но использует ее в методических, или экспликативных, целях [9: 22].

Таким образом, эвокативность в философии – это способность языка к «*инкарнации*» (по Св. Августину): «Если Слово стало плотью и если лишь в этой инкарнации дух обретает свою окончательную действительность, то это значит, что логос освобождается наконец от своего спиритуалистического характера, означавшего вместе с тем и его космическую потенциальность» [10: 486] Эвокативность связана с воплощением в языке смысла или смыслов, когда «мышление не просто пользуется языком как *средством* экстернализации

своих «внутренних» содержаний, но приходит в языке к своему завершению, всегда уже будучи языком» [9: 24].

В русской герменевтике идея эвокативности проявилась в трудах Г. Шпета в связи с его семиотическим представлением поэтического символа (символьности) (см., напр., [11]). Свою семиотику Г. Шпет называет «поэтической методологией», В. Фещенко называет её «художественной семиотикой» [12: 77]. Суть её в том, что «символический смысл есть творимое, разумное в творимом контексте, <...> во всяком символе *внешним* символизируется *внутреннее*» [12]. Заметим на будущее эту черту особых отношений между формой («внешнее») и «творимым содержанием» («внутреннее»). Но главное во взглядах Г. Шпета – соединение поэтической символической формы с **внутренней формой** языкового (художественного) произведения как посредником между планом выражения (внешней формой) и планом содержания. Внутренняя форма отличается, по Шпету, «обычный» семиозис от поэтического семиозиса, или – в терминах В. Фещенко – «поэзиса» [12: 93]. Обратим внимание на этот промежуточный этап в семиотическом отношении «форма – внутренняя форма – содержание»: внутренняя форма *эвоцирует* (воскрешает) стертую в конвенциональности (по Ф. Соссюру) мотивированную связь «означающего» с «означаемым» (ср. суждения А.А. Потебни о внутренней форме [13]).

С точки зрения самой поэзии, в особенности, поэзии авангарда, эвокативность связывается со «сгущением», автономностью, «остранением» формы или *экспрессивностью знака* [14]. В этом понимании форма отдельно от содержания становится семиотической единицей (знаком в знаке). В этом случае, планом содержания непрозрачной или полупрозрачной формы становится внутренняя форма. Семиотическая единица (слово, высказывание) уже не «означает» «означаемое», а эвоцирует (посредством внутренней

формы) план содержания такого двойного, сложного знака. Л. Ельмслев и Р. Барт называли этот семиотический механизм соответственно «коннотативностью» и «вторичным семиозисом» [15; 16]. Поэт Вяч. Иванов назвал это свойство поэтической формы – *эпифанией* – проявлением божества (смысла) в форме, воспринимаемой органами чувств: «*Форма не средство, а цель*; и ничего нет столь тайного и несказанного, что не смогло бы обратиться в эпифанию формы посредством искусства» [17: 277] (выделено нами. – З.Б.).

Эпифания как литературный приём и жанр конца XIX – первой половины XX века – это «переход к имплицитно-подтекстовому типу повествования» [18: 162], это косвенная, непрямая номинация и коммуникация, порождающая наводящиеся смыслы. К этому жанру относят творчество Ш. Бодлера, Дж. Джойса, А.П. Чехова. Пользуясь семиотической метафорикой, Е. Фоменко отмечает: «...эпифания возникает в промежутке, в пространстве между словами или образами *под воздействием их собственного притяжения, а не референта, на который они указывают*» [19] (выделено нами. – З.Б.).

Эпифания строится на эвокативности (извлечении косвенно выраженного смысла). В какой-то момент это игра и эпатаж, но эпатаж интеллектуально-духовный, призванный пробудить «работу сердца и мысли».

В наиболее концентрированном выражении эпифания поэтической формы обретает инкарнацию в поэзии Серебряного Века, в зауми ОБЭРИУтов: *Бобэоби пелись губы,/ Взэоми пелись взоры Пиээо пелись брови, Лиэээй - пелся облик,/ Гзи-гзи-гээо пелась цепь./*

Так на холсте каких-то соответствий / Вне протяжения жило Лицо (В. Хлебников, 1908-1909) Форма, обособленная от содержания, обретает внутреннюю семантику, не обозначает и не референцирует, а *эвоцирует* наводящиеся смыслы.

Эвокативность, соотносясь с поэтической функции языка (по Р. Якобсону), проявляется не только в поэзии или искусстве, но и в самых неожиданных языковых и речевых воплощениях, как это показал Л.В. Щерба своей *Глокой куздрой*. Она проявляется везде, где остаётся «свободное пространство», потребность в воображении, где понимание приходит через собственную интерпретативную работу реципиента. Эвокативной интерпретации свойственна двойственность, неопределённость, синкретизм как исконные характеристики первобытной языковой семантики: на заре глоттогенеза прототипическим эвокативным механизмом была энантиосемия и диффузность [20].

В постмодернистских исследованиях Ж. Делёза и М. Фуко появляется концептуальная триада категорий – *эвокация, провокация, ревокация*, – освещающая различные стратегии речезыковой деятельности при наличии «двойного» назначения репрезентативной функции языка. Эвокация заключается уже не в интерпретации странной формы и извлечении смысла, а, наоборот, – в кодировании многоликого, полифонического смысла в воплощающей его языковой форме. При этом неизбежны потери, условность и конвенциональность: рождается не смысл, а его заместитель – симулякр, который, подобно шварцовой Тени, становится «властителем умов».

Три названные категории связаны с воображением как вторичной реальностью, сосуществующей с реальностью отражения. Делёз, говоря о полифонии зрительного восприятия и многоголосье речи, пишет: «Мишель Фуко написал прекрасную статью о Клоссове, в которой проанализировал игру двойников и симулякров, зрения и языка. Он прилагает к ним клоссовские категории зрения: *симулякр, подобие и притворство*. Последним соответствуют категории языка: *эвокация* [воплощение], *провокация* и *ревокация* [отмена]. Зрение раскалывает то, что оно ви-

дит, надвое и умножает соглядатаев; подобным же образом язык денонсирует то, что он говорит, и *умножает говорящих* (такова множественность наложенных друг на друга голосов в «Суфлёр»)» [21: 371] (выделено мной. – З.Б.). Здесь очень важным для нашей концепции эвокативности является множественность голосов (ревокация), отменяющих, заменяющих друг друга (ср. прецедентность, цитация). Множественность голосов предполагает также множественность смыслов, «двусмысленность», недоговоренность, неопределенность, которые становятся принадлежностью эвокативной формы. Как и у З. Харриса (см. выше), эвокативность Делёза – это не просто репрезентативная функция языка, это нестандартная, экспрессивная триединая операция над смыслом: прежде всего *провокация* – вызов читателю-интерпретатору, призванному «забыть всё», вычеркнуть из памяти свое представление о предмете (*ревокация*), взглянуть на него новыми глазами (ср. «остранение» по Шкловскому [22]) и, наконец, *эвоцировать* – «воплотить», «вдохнуть» свой новый смысл в условно заданную языковую форму.

Все три термина, будучи связанными с обсуждаемой нами проблемой эвокативности, имеют свое особое, более строгое понятийное наполнение в рамках рассматриваемой концепции, однако, есть глубинные связи между их рамочным содержанием и приводимыми здесь толкованиями эвокативности.

В постмодернистской философии термин *эвокативность* лежит также в основе философско-семиотической и социально-интеракционной концепции У.Л. Уорнера, получившей название «Теория символизма» [23]). Наряду с логическими и эмпирическими символами (знаками) Уорнер выделяет нелогические символы — «*эвокативные символы*», «которые скорее пробуждают чувства и культурные представления читателя, нежели указывают на фактический поток челове-

ческих действий, составляющих описываемое событие» [23: 61]. *Эвокативные символы*, по Уорнеру, это символы, референтом которых являются индивидуальные или коллективные чувства, основанные на мифологическом коллективном бессознательном, «связанные с надеждами и страхами человека, с его желаниями и тревогами, ... с его жаждой беспрепятственного осуществления всех своих устремлений и немедленного удовлетворения всех своих видовых потребностей...» [23: 420].

Такую мифотворческую эвокативность подчеркивает Ж. Бодрийяр в своей книге «Система вещей», говоря о семиотических механизмах рекламы. По мнению Бодрийяра, реклама существует как некая виртуальная реальность – подобно сновидениям, она «фиксирует потенциал воображаемого и дает ему выход» [24: 187] (см. тж. [Беданоква 2016 – в печати]).

Уорнер разделяет референтивные и эвокативные знаки с точки зрения языковой семантики. Референциальные символы «возвращают к характерным особенностям первоначальной ситуации или ее генерализациям», «эвокативные символы» скорее «*пробуждают*» эмоции людей, «*дают замаскированное выражение их скрытым мыслям*» [24: 497] (выделено нами. – З.Б.).

Слова «эвокативный», «эвокация» в сегодняшнем французском (глагол *évoquer*) и английском (*to evoke*) языках в самом распространенном употреблении означают «вызывать, воскрешать в памяти, в представлении» [25: 429; 26: 325]. Это значение является первым и стереотипным и в западной лингвистике [27]. Это слово употребляется чаще даже не как термин, а как некая стершаяся метафора, *обозначающая* связь между планом выражения и планом содержания.

С этим значением связаны несколько употреблений термина в современных лингвистических исследованиях, по-своему отталкивающих и отклоня-

ющихся от семиотического ядра термина «эвокативность». Так, в некоторых исследованиях дискурса *эвокативность* представляется как способность языка-речи обращаться к «уже известному, уже сказанному», т.е., по сути, к тому, что называется пресуппозицией, фоновыми знаниями, «прецедентностью» практически в любом тексте-дискурсе. Это свойство проявляется в оппозиции к «проективному смыслу», к тому содержанию, которое выводится из интерпретации языкового выражения, как это прописывает В.Г. Борботько: «Всякое речевое действие, простое или комплексное, имеет свое семантическое основание (предысторию) и семантическое продолжение. Оно имеет двунаправленный энергетический заряд, или потенциал, действуя референтно, или *эвокативно*, вызывая некоторое представление о том, чем оно обусловлено, и эфферентно, или *суггестивно*, индуцируя некоторое предвосхищение того, что оно может повлечь» [28: 126-127]. Таким образом, «важно то, как ориентировано высказывание: *эвокативно* — на модель прошлого-настоящего или *суггестивно* — на модель будущего» [Там же].

Идея воплощения одной семиотической системы (обыденное восприятие и говорение) в другой (художественное произведение) легла в основу методологии «эвокации» в исследованиях отечественных ученых, в частности, А.А. Чувакина и его учеников (см., напр., [29] и др.).

А.А. Чувакин рассматривает эвокацию как упорядоченную (системную) деятельность коммуниканта (писателя), как литературно-художественное кодирование (перевод знака из первой системы во вторую). Он подчеркивает значимость для понимания эвокативности положения Д.С. Лихачева о том, что «мир художественного произведения *воспроизводит* действительность в некоем «сокращенном», условном варианте. <...> Литература берет только некоторые явления реальности и затем их условно сокращает или

расширяет, делает их более красочными или блеклыми, стилистически их организует, но при этом, как уже было сказано, создает собственную систему, систему внутренне замкнутую и обладающую собственными закономерностями» [29: 17]. Исходя из этого и ряда других созвучных положений, А.А. Чувакин дает следующее определение: «Воспроизведение, или эвокация, представляет собой специфическую деятельность «человека говорящего», содержанием которой является целенаправленная, функционально значимая, творчески протекающая реализация репрезентативной функции языка посредством знаковых последовательностей (текстов) в актах коммуникативной деятельности говорящего и слушающего, имеющих быть в коммуникативных ситуациях. Деятельность воспроизведения осуществляется в процессе коммуникативной деятельности и выступает по отношению к последней в качестве эпидеятельности» [29: 21].

Таким образом, в самой общей перспективе этой концепции «эвокация» – это процесс и приемы передачи «денотативной реальности» в литературном (письменном) тексте, превращение «естественного языка/мысли» в язык художественного повествования. Эвокацией называется, например, перевод (художественного) произведения на другой язык. В этой концепции подчеркнем важную для нас идею трансформации, лежащей в основе экспрессивной формы (принцип активности говорящего/пишущего, в частности, писателя в манипуляциях с формой). При этом заметим, что одним из постулатов приводимого «лингвоэвокационного подхода» является требование адекватности (референциальной изоморфности) передаваемой в художественном тексте действительности (репрезентативная функция). Это отличает концепцию алтайской школы от всех приведенных выше концепций, в которых *эвокативность* связана прежде всего не с референциальной изоморфностью

(достоверностью), а, наоборот, с креативными семантическими трансформациями плана содержания посредством плана выражения, предполагающими дополнительную интерпретационную деятельность реципиента (фантазию, догадку и т.д.). Именно эта виртуальная, креативная, наводящая смыслы составляющая эвокативности и есть предмет нашего научного интереса.

И. Фонадь, рассматривая генезис и структуру остроты/анекдота (joke), пишет, что, начиная с «детского языка», человеческая коммуникация пронизана эвокативностью как потребностью вносить новое, добавлять смыслы в устоявшиеся формы: «Язык – это не что иное, как игра» - («Language is only joking»). С его точки зрения, язык предрасположен к игре, которая заключена в его семиотической природе. Сам процесс семиозиса – это театральное представление с «демотивированными», условными, конвенциональными правилами (игры) [30: 107].

Эвокативный (мета)речевой акт – это акт «экспрессивного семиозиса» (по Ч. Моррису), который перемещает интерпретативный фокус то на непрозрачность формы, то на абсурдность содержания (ср. [31], достигая тем самым эвокативный воздействующий эффект [6]. Двусмысленность, соединение (контаминация) смыслов в одной языковой форме отражает один из фундаментальных когнитивных процессов – концептуальную интеграцию (блендинг), отражающую семантическую «гибридность» языка [31]. Этот процесс эвокации дополнительных смыслов имеет большой воздействующий потенциал и нарочито, экспрессивно проявляется на разных уровнях языка: фонетическом (эмфатическое ударение, интонация), графическом (например, кавычки или буква Ъ в названии газеты *КоммерсантЪ* и проч. графические игры, например, в рекламе – см. [32; 33]), на словообразовательном уровне в рекламе и СМИ [34], лексико-

семантическом [35]. Замечательным образом эвокативность проявляется в идиоматике с её непрозрачной формой [36], на текстовом уровне в ставшем популярным жанре однофразовых текстов [37] – авторских: «*Ах, вы не спонсор – положите вилку*», «*Давно я не лежал в Колонном Зале*» (В. Вишневский) или фольклорных: «*Я не такая, я жду трамвая*», «*Утро добрым не бывает*». Эвокативность как отражение креативного мышления становится социально-лингво-культурным феноменом в новом сетевом формате в пространстве Интернета в виде «мемов» и «демотиваторов» (см. [38]), приобретая полимодальное измерение (картинка плюс текст). Исследование механизмов эвокативности как жанрообразующего приема представляет несомненный интерес, особенно, с точки зрения когнитивно-семиотических механизмов и когнитивно-дискурсивного подхода [39; 40] (см. тж. [41]).

Итак, рассмотренные нами концепции позволяют вывести понятийное ядро *эвокативности* – *эвокации* как феномена языка-речи [40]. Во всех приведенных выше концепциях, соотносящихся между собой по принципу дополнительности, *эвокация* – *эвокативность* представляет собой особый когнитивно-семиотический механизм, основанный на асимметрии плана выражения и плана содержания и проявляющийся при кодировании и декодировании (языкового) знака в речемыследеятельности и коммуникации. Этот механизм обусловлен креативной составляющей когнитивных процессов, отражающихся в языке. С функциональной точки зрения эвокативность как свойство знака (формы) порождать сложный, полифоничный план содержания имеет интенциональную составляющую и используется в целях креативной речевой деятельности и воздействия на реципиента, реализуя прежде всего поэтическую и конативную функции языка.

Примечания:

1. Гак В.Г. Языковые преобразования. М.: Языки русской культуры, 1998. 768 с.
2. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. М.: Русский язык - Медиа, 1986. 840с.
3. Ивин А.А. Основания логики оценок. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. 230 с.
4. Ивин А.А., Никифоров А.Л. Словарь по логике. М.: ВЛАДОС, 1997. 384 с.
5. Бюлер К. Теория языка. М.: Прогресс, 2000. 528 с.
6. Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики: монография. М.: Гнозис, 2005. 326 с.
7. Демьянков В.З. Функционализм в зарубежной лингвистике конца 20 века / V.Dem'jan'kov, 2003. URL: <http://www.infolex.ru> (дата обращения: 07.06.2015).
8. Сапожникова О.С. Соотношение естественной и литературной коммуникации (на материале современной французской литературы) // Филологические науки. 1998. № 1. С. 83-92.
9. Инишев И.Н. Чтение и дискурс: трансформации герменевтики. Вильнюс: ЕГУ, 2007. 168 с.
10. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы филос. герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
11. Шпет Г. Из « Эстетических фрагментов» // Семиотика и Авангард: антология / ред. Ю.С. Степанов. М.: Академический Проект, 2006. С. 216-241.
12. Фещенко В.В. Autoroetica как опыт и метод, или о новых горизонтах семиотики // Семиотика и Авангард: антология / ред. Ю.С. Степанов. М.: Академический Проект, 2006. С. 54-122.
13. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. 1-2. М., 1958. 536 с.
14. Моррис Ч. Основания теории знаков // Семиотика. М.: Радуга, 1983. С. 37-89.
15. Барт Р. Миф сегодня // Избранные работы: семиотика, поэтика. М.: Прогресс: Универс, 1994. С. 72-130.
16. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка. М.: КомКнига, 2006. 248 с.
17. Иванов Вяч. И. Форма зиждущая и форма созижденная // Семиотика и Авангард: антология / ред. Ю.С. Степанов. М.: Академический Проект, 2006. С. 277-282.
18. Щирова И.А. Попытка осмысления понятия «психологизм» прозы в плане культурно-исторических аспектов его существования // Некоторые проблемы синхронного и диахронного описания языков. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 1998. С. 157-165.
19. Фоменко Е.Г. К типологии функционирования текста в тексте в «Дне плюща» и в «Поминках по Финнегану» Дж. Джойса // Международная конференция по функциональной лингвистике. Ялта: Доля, 2003. С. 344-346.
20. Вельмезова Е.В. В начале была... диффузность? (О философско-эпистемологических предпосылках некоторых эволюционистских теорий в лингвистике в конце XIX – начале XX в.) // Язык. Личность. Текст: сб. ст. к 70-летию Т.М. Николаевой. М.: Языки славянских культур, 2005. С. 73-86.
21. Делёз Ж. Логика смысла: *Theatrum philosophicum*. Екатеринбург: Деловая книга, 1998. 480 с.
22. Шкловский В.Б. Искусство как приём // О теории прозы. М., 1929. С. 7-23.
23. Уорнер У. Живые и мертвые. СПб.: Университетская книга, 2000. 671 с.
24. Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рудомино, 1999. 224 с.
25. Гак В.Г., Ганшина К.А. Новый французско-русский словарь. М.: Русский язык, 1993. 1194 с.
26. Cassell's French-English // English – French Dictionary. L.; N.Y.: Cassell LTD, 1977. С. 325.
27. Talmy L. Attention Phenomena // The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics / ed. by D. Geeraerts, H. Cuyckens. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 264-293

28. Борботько В.Г. Принципы формирования дискурса: от психолингвистики к лингвосинергетике. М.: ЛИБРОКОМ, 2011. 228 с.
29. Чувакин А.А. Смешанная коммуникация в художественном тексте: основы эвokasiонного исследования. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995. 126 с.
30. Fonagy I. He is only Joking: Joke, Metaphor and Language Development // Kiefer F. Hungarian Linguistics. Amsterdam, 1982. P. 31-108.
31. Ирисханова О.К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014. 320 с.
32. Беданоква З.К. Графическая игра в современной российской рекламе с позиций прагматики // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2009. № 3. С. 64-69.
33. Ильясова С.В. Графические окказионализмы в языке СМИ начала XXI века // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. Вып. VIII. Владикавказ, 2006. С. 335-343.
34. Ильясова С.В., Амири Л.П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. 296 с.
35. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки славянской культуры, 2002. 552 с.
36. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008. 656 с.
37. Береговская Э.М. Стилистика однофразового текста: на материале русского, французского, английского и немецкого языков. М.: ЛЕНАНД, 2015. 334 с.
38. Беданоква З.К. Эвокативность как свойство и жанр имплицативной коммуникации // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп: Изд-во АГУ, 2015. Вып 4(168). С. 21-27.
39. Александрова О.В. Когнитивно-дискурсивная парадигма в изучении языка // Филология как средоточие знаний о мире. М.; Краснодар, 2008. С. 117-121.
40. Болдырев Н.Н. Функционально-семиологический принцип исследования языковых единиц // Язык и культура: факты и ценности: к 70-летию Ю.С. Степанова. М.: Языки русской культуры, 2001. С. 383-394.
41. Беданоква З.К. Семиотика эвокативного дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 1(55), ч. 2. С. 88-93.

References:

1. Gak V.G. Language transformations. M.: Yazyki russkoy kultury, 1998. 768 pp.
2. Dvoretzky I.Kh. Latin-Russian dictionary. M.: Russky yazyk - Media, 1986. 840 pp.
3. Ivin A.A. Foundations of the logic of evaluations. M.: Moscow University Publishing house, 1970. 230 pp.
4. Ivin A.A., Nikiforov A.L. Dictionary of logic. M.: VLADOS, 1997. 384 pp.
5. Buhler K. Theory of the language. M.: Progress, 2000. 528 pp.
6. Alefirenko N.F. Controversial problems of semantics: a monograph. M.: Gnosis, 2005. 326 pp.
7. Demyankov V.Z. Functionalism in foreign linguistics of late 20th century / V. Demyankov, 2003. URL: <http://www.infolex.ru> (date of access: 07.06.2015).
8. Sapozhnikova O.S. The ratio of natural and literary communication (based on modern French literature) // Philology. 1998. No.1. P. 83-92.
9. Inishev I.N. Reading and Discourse: Transformations of Hermeneutics. Vilnius: ESU, 2007. 168 pp.
10. Gadamer H.-G. Truth and Method: Fundamentals of Philosophical Hermeneutics. M.:

- Progress, 1988. 704 pp.
11. Shpet G. From the «Aesthetic fragments» // *Semiotics and Vanguard: an anthology* / Ed. by Yu.S. Stepanov. M.: Academic Project, 2006, P. 216-241.
 12. Feshchenko V.V. Autopoetica as an experience and method, or on new horizons of semiotics // *Semiotics and Vanguard: an anthology* / Ed. by Yu.S. Stepanov. M.: Academic Project, 2006, P. 54-122.
 13. Potebnya A.A. From the notes on Russian grammar. Vol. 1-2. M., 1958. 536 pp.
 14. Morris Ch. Grounds of the theory of signs // *Semiotics*. M.: Raduga, 1983, P. 37-89.
 15. Bart R. Myth today // *Selected works today: semiotics and poetics*. M.: Progress: Univers, 1994. P. 72-130.
 16. Hjelmslev L. Prolegomena to a theory of language. M.: KomKniga, 2006. 248 pp.
 17. Ivanov Vyach.I. Creative Form and Created Form // *Semiotics and Vanguard: an anthology* / Ed. by Yu.S. Stepanov. M.: Academic Project, 2006, P. 277-282.
 18. Shchirova I.A. Attempt to comprehend the concept of the «psychologism» of prose in terms of cultural and historical aspects of its existence // *Some problems of synchronic and diachronic description of languages*. Pyatigorsk: PSLU Publishing house, 1998, P. 157-165.
 19. Fomenko E.G. On the typology of the functioning of the text in the text in the «Ivy Day» and «Finnegans Wake» by J. Joyce // *International Conference on Functional Linguistics*. Yalta: Dolya, 2003, P. 344-346.
 20. Velmezova E.V. Was there ... diffuseness at the beginning? (On philosophical and epistemological assumptions of some evolutionary theories in linguistics in the late 19th – early 20th century) // *Language. Personality. Text: coll. of art. on the 70th anniversary of T.M. Nikolaev*. M.: Languages of Slavic Cultures, 2005, P. 73-86.
 21. Deleuze G. *Logic of Sense: Theatrum philosophicum*. Ekaterinburg: Delovaya kniga, 1998. 480 pp.
 22. Shklovsky V.B. Art as technique // *On the theory of prose*. M., 1929. P. 7-23.
 23. Warner W. *The Living and the Dead*. SPb.: Universitetskaya kniga, 2000. 671 pp.
 24. Baudrillard J. *System of things*. M.: Rudomino, 1999. 224 pp.
 25. Gak V.G., Ganshina K.A. *New French-Russian dictionary*. M.: Russian, 1993. 1194 pp.
 26. Cassell's French-English // *English-French Dictionary*. L.; N.Y.: Cassell LTD, 1977. 325 pp.
 27. Talmy L. Attention Phenomena // *The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics* / ed. by D. Geeraerts, H. Cuyckens. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 264-293
 28. Borbotko V.G. Principles of formation of discourse: from psycholinguistics to the linguistic synergetics. M.: LIBROKOM, 2011. 228 pp.
 29. Chuvakin A.A. *Mixed communication in the literary text: foundations of avocational research*. Barnaul: Publishing House of Alt. University, 1995. 126 pp
 30. Fonagy I. He is only Joking: Joke, Metaphor and Language Development // *Kiefer F. Hungarian Linguistics*. Amsterdam, 1982. P. 31-108.
 31. Iriskhanova O.K. Games of focus in language. Semantics, syntax and pragmatics of defocusing. M.: Languages of Slavic Culture, 2014. 320 pp.
 32. Bedanokova Z.K. Graphic game in the modern Russian advertising from the standpoint of pragmatics // *Bulletin of Pyatigorsk State Linguistic University*. 2009. No. 3. P. 64-69.
 33. Ilyasova S.V. Graphic occasionalisms in the language of media of the beginning of the 21st century // *Actual problems of philology and educational linguistics*. Iss. VIII. Vladikavkaz, 2006. P. 335-343.
 34. Ilyasova S.V., Amiri L.P. *Language game in the communicative space of the media and advertising*. M.: FLINTA: Nauka, 2015. 296 pp.
 35. Sannikov V.Z. *Russian language in the mirror of the language game*. M.: Languages of

- Slavic Culture, 2002. 552 pp.
36. Baranov A.N., Dobrovolsky D.O. Aspects of the theory of phraseology. M.: Znak, 2008. 656 pp.
 37. Beregovskaya E.M. Stylistics of one-phrase text: based on the material of Russian, French, English and German languages. M.: LENAND, 2015. 334 pp.
 38. Bedanokova Z.K. Evocativity as a feature and genre of implicative communications // Bulletin of Adyghe State University. Ser. Philology and the Arts. Maikop: ASU Publishing house, 2015. Iss. 4 (168). P. 21-27.
 39. Aleksandrova O.V. Cognitive and discursive paradigm in the study of language // Philology as the center of knowledge about the world. M.; Krasnodar, 2008, P. 117-121.
 40. Boldyrev N.N. Functional and semiological principle of study of language units // Language and Culture: facts and values: on the 70th anniversary of Yu.S. Stepanov. M.: Languages of the Russian Culture, 2001, P. 383-394.
 41. Bedanokova Z.K. Semiotics of evocative discourse // Philological sciences. Problems of theory and practice. Tambov: Gramota, 2016. No. 1 (55), Part 2, P. 88-93.